

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЗАДАЧИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

I

Великая Октябрьская социалистическая революция произвела гигантский культурный переворот в нашей стране. Наука и искусство, творческая деятельность в области техники, литературы, театра, музыки, развитие культуры труда и быта каждого гражданина—все это получило невиданный в истории человечества подъем, возможный только в социалистической стране.

Ленин в начале революции, говоря о великой задаче строительства культуры, писал: «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить» (Соч., т. XXV, стр. 387).

Прошло 18 лет с тех пор, как Ленин на съезде комсомола в 1920 г. сказал эти слова, и теперь мы можем заявить, что нами достигнуты колоссальные результаты во всех областях знания.

Одним из важнейших участков по строительству новой, социалистической культуры является развитие в нашей стране научного исследования, в частности, в области исторической науки. Великая страна, вступившая в октябре 1917 г. на путь великой стройки, должна была начать создавать и великую, достойную своей страны, марксистскую историческую науку.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Л е н и н, там же, стр. 388). Это указание Ленина имеет непосредственное отношение и к фронту исторической науки, к борьбе за овладение знаниями о прошлом человеческой истории. «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,—самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это—не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (Л е н и н, Лекция о государстве, Избр. произв., стр. 293). Известно, какое колоссальное количество исторического материала проработали, исследовали и осветили основоположники марксизма, раскрывшие социальные закономерности в прогрессивном

развитии человечества. В частности, они немало внимания уделяли изучению человеческой культуры на заре истории, исследованию духовных богатств древнего мира в области науки и искусства, литературы и философии.

После Октябрьской социалистической революции, в ходе гигантской созидательной работы по строительству нового, социалистического общества растет жажда знания, возрастает интерес к истории, к прошлому человечества.

Ведь путем изучения прошлого только и можно понять, как в результате многовековой героической борьбы, как в итоге поступательного развития человечества и прогресса общей культуры могли создаться предпосылки для того исторического переворота, с которого начинается подлинная история человечества, без эксплуатации человека человеком, счастливая жизнь социалистической эпохи.

Именно эта новая страница человеческой истории создает новый угол зрения на прошлое, заставляет «писать историю сызнова» (Энгельс) и предъявляет к советскому историку, к каждому историческому исследованию новые, более повышенные требования. Вместе с этим и широкая масса трудящихся требует знаний, жаждет узнать о прошлых судьбах человечества, узнать прошлое своей родины, чтобы по достоинству оценить новую, социалистическую страницу истории.

Двадцать лет работы на историческом фронте в СССР прошли под знаком борьбы за развитие марксистской исторической науки. Значительные успехи достигнуты и в деле изучения древней истории. Следует, однако, сказать, что как ни много сделано в области разработки древней истории, это нас не может удовлетворить ни в какой степени.

Возьмем изучение так называемого «классического Востока» в советской науке. Как оно протекало за 20 лет и какие выводы и новые задачи выдвигаются перед историками-марксистами?

В первые годы советской власти историки весьма медленно шли на сдвиг в своей работе. Старая тематика, старые установки, отсутствие коллективной работы и кустарщина чувствуются и в изучении древнего Востока. Советские ориенталисты до самого 1924 г. занимаются, главным образом, разработкой наследия умершего в 1920 г. египтолога Б. А. Тураева, подготовкой к печати его работ.

Только позднее намечается переход к самостоятельной тематике, к овладению новейшими материалами по Востоку, открытыми за границей, и к популяризации их в широком кругу советских специалистов. Археологические открытия в Месопотамии, Индии, Китае, Египте, а также обработка древневосточных текстов и их публикация начинают поднимать советское востоковедение на уровень мировой науки, и советские ученые — Шилейко, Рифтин, Струве и др., становятся известными на Западе.

Подлинный перелом в развитии советского востоковедения наступает тогда, когда акад. Н. Я. Марр и его ближайшие ученики, акад. И. И. Мещанинов, И. А. Орбели и др., становятся на путь марксистского исследования вопросов языка и культуры древнего Востока. Следует особо подчеркнуть заслуги акад. Мещанинова, сумевшего учение Н. Я. Марра о языке широко и успешно применить к той области исторического исследования, которая в значительной степени и создана работами акад. Мещанинова, именно к области халдоведения. Тем самым востоковедение из «академической» стало актуальной дисциплиной в советской науке. Вни-

мание советских ученых было обращено на исследование древнейших восточных культур как на территории СССР, так и в соседних странах. Древняя история народов Средней Азии, Ирана, халдов (Урарту), Армении получила разработку в специальных монографических трудах и в публикациях древних надписей советскими учеными. Такие труды, как «Халдоведение» и «Язык Ванской клинописи» акад. Мещанинова, несомненно, явились вкладом в мировую науку. Некоторый сдвиг в смысле перехода исследовательской работы на марксистско-ленинские рельсы характеризует и работы акад. В. В. Струве, который в ряде специальных статей обратил внимание на изучение социальных движений («Речения Ипувера»), рабства и его форм на Востоке. Выступая против буржуазной теории цикличности исторического процесса, против феодального универсализма в приложении к странам древнего Востока, акад. Струве попытался дать общую синтетическую марксистскую работу по древнему Востоку (в первом томе «Истории древнего мира», изд. ГАИМК). Работа акад. Струве вызвала широкое движение среди советских историков-востоковедов, причем многие из них, как акад. Н. М. Никольский и ряд молодых исследователей, выступили против самого построения акад. Струве истории Востока. Ему было указано на отсутствие у него еще четкой марксистской постановки некоторых основных вопросов (например о характере рабства или о роли общины на Востоке). Действительно, акад. Струве не сумел дать ни истории древней Индии и Китая, замкнувшись в старом традиционном кругу «классического Востока», ни анализа форм восточного рабства, которое у автора мало чем отличается от античного, ни роли свободной восточной общины, которая или игнорируется им или в его освещении необычайно упрощается. Данная его работа по истории древнего Востока — уже пройденный этап советской исторической науки. Однако это никому не дает права недооценивать работу В. В. Струве, который свои исследования основывает на большом материале первоисточников, разрабатываемых впервые в советской науке, и стремится строить историю древнего Востока в соответствии с указаниями классиков марксизма-ленинизма. Дальнейшее исследование спорных вопросов советского востоковедения поднимет работу на еще большую высоту, на подлинный марксистско-ленинский уровень.

Наряду с этими достижениями в области советского востоковедения имеется и ряд недостатков, ликвидация которых является неотложной задачей сегодняшнего дня. Неправильно было бы думать, что антимарксистские тенденции «исторической школы» Покровского не повлияли на направление работ по советскому востоковедению. Бесконечные дискуссии в период 1929—1933 гг. «об азиатском способе производства», ставившие себе задачей рассуждениями о социально-экономических формациях подменить изучение всей сложности хозяйственных отношений в странах древнего Востока и конкретно-историческое исследование исторических проблем отражали в области востоковедения влияние «школы» Покровского, ликвидаторскую, антиленинскую тенденцию ее. И в этой области подвизались авантюристы от науки, не знавшие ни языков, ни древней истории народов Востока. Немало здесь подвизалось и троцкистско-бухаринских агентов фашизма, использовавших фронт востоковедной науки для своей подлой предательской работы.

Ликвидация вредительства в этой области науки, мобилизация и выдвижение молодых ученых-востоковедов и, наконец, подготовка молодой смены на исторических факультетах университетов должны явиться пер-

востепенной задачей советской науки и научных учреждений страны, от Академии наук СССР и до университетов в национальных республиках включительно. Наряду с организационной перестройкой необходима дальнейшая борьба за овладение марксистским методом, что должно сочетаться с большой работой по освоению фактического материала источников, количество которого непрерывно возрастает. Историк-марксисту надо усвоить лучшие достижения буржуазных ученых, «к которым он обязан отнестись критически» (Л е н и н).

Без всех этих мероприятий нельзя будет добиться решительного сдвига на востоковедном участке исторического фронта.

II

В области античной истории характер исследовательской работы был несколько иной, чем по древнему Востоку. Если по древнему Востоку советские ученые в основном оставались на почве кропотливой работы над текстами, над публикациями источников, над отдельными деталями, чтобы потом уже подняться к общему построению истории Востока, то по древней Греции и Риму работа шла иными путями.

В первый период, 1917—1924 гг., по истории Греции и Рима работа протекала еще по линии издания старых по установкам, идеалистических по характеру, по направлению своему не только не марксистских, но иногда и антимарксистских работ. Переиздание работ Эд. Мейера («Экономическое развитие древнего мира», «Рабство в древности»), К. Бюхера, М. Вебера, из русских—Зелинского, Фармаковского, Бузескула и т. д.— все это говорило о том, что на этом участке исторического фронта еще не было марксистов, а имевшиеся силы исследователей-марксистов были отвлечены на гражданскую войну против белых генералов и империалистических интервентов, на защиту страны Советов. Характер работ этого периода свидетельствует, что на этом участке исследовательской работы большинство ученых еще не овладело марксизмом. Древняя история в основном оставалась уделом старых историков буржуазной формации, которые в изучении древнего мира не только не хотели усвоить марксистскую методологию, но открыто чурались даже самих имен Маркса, Энгельса в своих трудах. Молодой марксистской исторической науке предстояло расчистить авгиевы конюшни буржуазной истории, собрать силы и начать борьбу за применение марксистского метода в исследованиях по древней истории.

Первый среди историков, кто полным и открытым голосом заговорил о марксистской истории древности, был ставший ныне академиком А. И. Тюменев, заслуга которого перед советской наукой должна быть отмечена хотя бы и в самом беглом обзоре советской историографии по древней истории за 20 лет.

В период 1920—1923 гг. А. И. Тюменев выпустил три тома своих «Очерков социально-экономической истории древней Греции», в которых он объявил поход против буржуазной методологии, буржуазной модернизации древности, излагая в ходе своего исследования специфические закономерности исторического и культурного развития античного мира в соответствии с высказываниями на этот счет классиков марксизма. А в своей работе «Существовал ли капитализм в древней Греции» (1923) автор еще более подчеркивает марксистское понимание характера рабовладельческой

экономики Греции и все отличие судьбы ее от капиталистической Европы, признаки распада которой в последнее время давали не раз повод буржуазным историкам проводить параллели с падением античной цивилизации.

Дуновение марксистской мысли не могло не отложить своего следа в некоторой степени на последующих работах В. С. Сергеева — «История Рима», «Гражданские войны» (1923—1927), С. И. Ковалева — «Курс всеобщей истории» (1925). Но эти работы отражали в основном еще влияние установок таких буржуазных ученых, как Ферреро, Вебер, Белох и др., сочетание которых с марксизмом лишь извращало марксизм.

Вышедшая в 1929 г. работа С. Я. Лурье по истории античной общественной мысли свидетельствовала также о том, как неуклюже еще некоторые ученые применяли метод Маркса — Энгельса к исследованию древней истории. В данной работе автор пытался каким-то образом сочетать марксистскую постановку отдельных вопросов с биомеханистической теорией об определяющем влиянии рудиментарных надстроек на историю древней Греции. Не приходится говорить, что это могло привести только к извращению марксистской методологии и к эклектическому построению труда С. Я. Лурье. Неточность методологии проявилась также у М. Рейснера («История политической мысли», т. I, его же «Идеология Востока», 1927), у В. К. Сережникова в его курсе истории философии (1929). Отсутствие последовательного применения марксистского метода в изучении исторических явлений прошлого сквозит и в работах Фриче по античной литературе и искусству («Социология искусства», 1929) и Дератани («История римской литературы», 1929), которые, однако, делают, по крайней мере, попытку трактовать искусство и литературу, как социальное явление, тогда как в выходивших в этот период работах Грифцова, Вальдгауэра и др. господствовала буржуазно-эстетствующая трактовка искусства.

Дальнейший переломный момент борьбы за марксистское исследование античного общества и его культуры намечается с 1930 г. Этому способствовало опубликование впервые в 1929 г. работы В. И. Ленина «Лекция о государстве», четко формулировавшей схему развития классового общества (рабовладельчество, крепостничество, капитализм). Проводившиеся в это время дискуссии о социально-экономических формациях, ставившие задачей подытожить для исследовательской работы выводы из высказываний классиков марксизма-ленинизма об античном обществе, сочетаются, однако, с проникновением антиленинских социологизаторских тенденций «школы» Покровского в изучение древней истории. Выступления, главным образом, ленинградских историков (Струве, Ковалев) на дискуссиях, отдельные статьи и работы их (Ковалев, Богаевский, Тюменев) отвлекали общими рассуждениями о формациях и о противоречиях в них от конкретно-исторического исследования всего многообразия исторических явлений греко-римского мира. Эти выступления были тем более вредны, что эти историки пользуются авторитетом не только в Ленинграде, но и далеко за пределами его.

Подлинный сдвиг в деле марксистского изучения греко-римского мира наступает позднее. Он связан с правительственными постановлениями о преподавании истории в школах СССР (в особенности от 16 мая 1934 г.), с выступлениями товарища Сталина и его высказываниями о революции рабов (на съезде колхозников-ударников в 1933 г.), об обстоятельствах падения Рима (на XVII партсъезде) и замечаниями на конспекты учебников по истории.

Среди историков древности начинается оживление. Начинается подготовка учебника для средней школы, составляются хрестоматии источников по древней истории (Струве), выпускаются наглядные пособия (карты, альбомы и т. д.), издаются для высшей школы пособия по истории Греции (Сергеев, Ковалев, коллектив работников ГАИМК), по истории Рима (Жовалев).

Указания товарища Сталина о революции рабов в древности кладутся в основу монографических работ акад. Жебелева («Последний Перисад и восстание на Боспоре»), Крюгера, Ковалева (отдельные статьи), Мишулина («Спартакосское восстание» и «Революция рабов и падение Римской республики»), Машкина (статья «Движение агонистиков»).

Большая проделана работа по публикации произведений античных авторов; благодаря этому ряд лучших представителей античной культуры стали доступны широкому кругу читателей. В частности, изданы историки Аппиан, Ксенофонт и Светоний, «Афинская политика» Аристотеля, гениальная поэма Лукреция, трактат Витрувия «Об архитектуре» и т. д.

Подъем работы специалистов по древней истории не может, однако, скрыть тех недостатков, которые имеются на этом участке исторического фронта. Прежде всего засоренность кадров историков разными проходимцами и здесь всегда место. И сюда проникли вредители, троцкистско-бухаринские агенты фашизма, разлагавшие фронт исторической науки. Социологизаторы «школы» Покровского дезориентировали историков древности и отвлекали от конкретной исследовательской работы.

Кроме того, историками не выполнен ряд актуальных заданий. Наши историки еще не создали учебников для средней школы, еще не написан учебник по древней истории. Мало еще пишется монографических исследований по наиболее интересным актуальным вопросам греко-римской истории. Такие темы, как Солон и его реформы, расцвет рабовладельческой демократии при Перикле, страницы аграрной борьбы при Агисе и Клеомене в Спарте, движение Гракхов в Риме, героические эпизоды борьбы рабов древности, блестящий расцвет литературы в Риме при Августе, вся полная социального драматизма гибель державного Рима в результате революции рабов—все это такие вопросы, которые должны стать предметом разработки в больших трудах и популяризации их для широких масс, с жадностью ждущих каждого марксистского исследования в этой области.

Особую ответственность на историков древности накладывает задача развития в стране научной антирелигиозной пропаганды. Недооценка научной работы в этой области совершенно недопустима. Работа, протекавшая в этой области, до сих пор носила кустарный характер и дальше издания переводов западноевропейских ученых (Древс, Робертсон) не шла. Пока редким еще фактом в нашей научно поставленной антирелигиозной литературе является издание таких работ, как публикация источников, монографических исследований по отдельным вопросам истории религий. Примером таких работ могли бы стать исследования и публикации т. А. Рановича («Первоисточники по истории раннего христианства», 1933, «Античные критики христианства», 1935, «Очерк истории древнееврейской религии», с вводной статьей акад. Никольского, 1937) и акад. Н. М. Никольского («Політэізм і монотэізм у яўрэйскай рэлігіі», 1932). Современный учащийся вузов, советский интеллигент, колхозный и

рабочий актив предъявляют серьезные требования на высокого качества академическую литературу по антирелигиозным вопросам, от которых советский историк не имеет права уйти. Такие вопросы должны быть в обязательном плане работы советских историков.

III

Советская историография за 20 лет в области древней истории народов СССР обогатилась большим количеством исследований, проводившихся в разное время и в различных местах археологами, этнографами и по литературным материалам древности—историками. Старая историческая наука дореволюционной России интересовалась историей славянства, притом, главным образом, великороссами или же греческими колониями юга СССР, как культурными очагами древности. Исследование же древнейшей истории различных угнетенных народов, населявших Российскую империю, не было и не могло быть предметом исторического изучения в тюрьме народов, какой была царская Россия. А между тем, народы СССР у истоков своего развития, т. е. в самой глубокой древности, когда они еще только вступили в век металла, при господстве общинного строя, создали своеобразную и самобытную культуру, а потом образовали свои национально-племенные и государственные объединения. Древние скифы, сарматы, славяне (анты, по Прокопию), древние народы Кавказа, Средней Азии и Сибири входили в соприкосновение с древнейшими цивилизациями Запада и Востока, влияли на их развитие и вместе с тем стали создателями богатых самобытных культур. Не приходится говорить, что изучение прошлого этих народов, ныне возродившихся в великом объединении Советского Союза, стало актуальной задачей после Октябрьской революции. Большая археологическая, этнографическая и чисто историческая литература, вышедшая за 20 лет после Октябрьской революции, охватывает исследования древней истории в самых различных республиках и автономных областях Советского Союза. Мы не будем говорить об исследованиях стоянок палеолитической и неолитической эпох на территории СССР и об изучении их памятников; это должно стать предметом специального обзора. Здесь только уместно было бы назвать имена старых русских археологов, отдавших много сил изучению доисторического прошлого нашей родины, как, например, Тимоновской палеолитической стоянки (проф. Городцов) и Костенковской (проф. Ефименко), а также многих других, которые разрабатываются теперь молодыми советскими археологами.

Что касается вскрытия и изучения древнейших пластов культур в национальных республиках, то здесь достигнуты большие результаты. В УССР археологами по изучению так называемой Трипольской культуры добыт интересный материал о материально-техническом базисе и социальном строе носителей этой древнейшей культуры на территории Украины (работы Пассек, Богаевского и др.).

В изучении народов Кавказа много было сделано покойным акад. Марром и продолжается исследование его учениками. Новые факты в области изучения древнейшего населения Кавказа устанавливают автохтонность местных национальных культур и опровергают теорию миграций, постоянных переселений, как решающего фактора происхождения этих культур (работы И. И. Мещанинова).

Для изучения Белоруссии местными силами историков вскрыт в археологических раскопках ряд интересных памятников первобытной истории (городища, курганы), от которой исходит дальнейшее развитие культуры белоруссов.

Археологическое обследование бытовых памятников, этнографическое изучение народов Средней Азии рисуют нам мир внутренних и внешних отношений и связей, сложных культурных переплетений у предков нынешних таджиков, туркменов, узбеков, которые не только отразили на себе влияние великих древних цивилизаций, но и сами были некогда носителями этих цивилизаций.

Интереснейший материал открыт для исследования древней Карелии (Равдоникас, Брюсов и др.), народов Сибири (Киселев, Сосновский и др.), Поволжья (Смирнов), восточных славян (Арциховский, Третьяков), народов Крыма (Ю. Марти, Репников и др.). На смену старому кустарничеству в исторической науке идет планомерное, подлинно-научное изучение всех памятников народов СССР, и при разработке исторических проблем учитывается вся совокупность материалов: археологических, этнографических, литературных и т. д. Публикации археологических отчетов, летописей, древних памятников русской письменности («Русская Правда») идут параллельно исследованию сложных исторических вопросов (например общественный строй Киевской Руси в работах акад. Грекова). Специальные монографии посвящены истории отдельных народов СССР (якуты, таджики, буряты и т. д.).

В самых отдаленных точках великой и обширной страны Советов ученые историки, специалисты-исследователи прошлого открывают материалы, публикуют документы, статьи и монографии. Археологические и этнографические музеи, краеведческие собрания памятников старины пополняются все новыми и новыми данными. Навстречу подъему исторической науки в СССР растет жажда знаний, пополняются наши исторические факультеты университетов и пединститутов молодежью, готовящейся к почетной роли будущих политических воспитателей советских граждан. Эта жажда знания истории своей замечательной родины связана неразрывно с советским патриотизмом, с чувством горячей любви к своей стране, которая, как маяк, светит всему миру трудящихся. Это лучше всего можно продемонстрировать на живом интересе молодежи к вышедшему «Краткому курсу истории СССР» под ред. Шестакова. Несмотря на некоторые свои недостатки, отмеченные в постановлении жюри конкурса, «Краткий курс» явился для исторической науки ценным вкладом, а для учащейся молодежи поистине дорогим подарком.

IV

Советская историография за 20 лет необычайно выросла. В области древней истории Востока, Греции, Рима и древнего периода истории СССР выпущено много таких исследований, которые намечают подъем наших знаний о прошлом на уровень мировой науки. Этим мы обязаны, во-первых, тому, что советская наука владеет самым совершенным методом исследования — испытанным методом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина; во-вторых, той планомерной, коллективной работе историков и исторических учреждений, которой партия и правительство создают все условия для развития и роста в стране. Но положение участка древней истории на исто-

рическом фронте нас ни в какой степени удовлетворить не может. Фронт исторической науки еще не очищен от разных проходимцев и псевдоученых. Еще не ликвидированы последствия вредительства со стороны троцкистско-бухаринских бандитов и шпионов, пробравшихся и на исторический фронт и использовавших его для своей гнусной предательской работы. Продолжают еще кое-где действовать социологизаторы «школы» Покровского с их установками на ликвидацию истории.

Одной из главнейших задач советских историков является написание учебников и выпуск специальных исследований по древней истории. Исторические кафедры университетов, пединститутов, исследовательские учреждения по истории как в системе Всесоюзной Академии наук, так и в национальных республиках еще не развернули работы по изданию как капитальных трудов, так и массовой литературы о прошлом человечества, об истории нашей страны.

Необходимо усилить дело подготовки кадров молодых историков, на которых сейчас чувствуется большой спрос в национальных республиках, автономных областях, на периферии.

Неудовлетворительно поставлена в вузах подготовка по специальным историческим дисциплинам—палеографии, дипломатике, эпиграфике, нумизматике и др. А ведь без этих специальных знаний и навыков советский ученый лишен возможности критически отнестись к буржуазным публикациям исторических источников.

В деле разработки исторических проблем некоторые историки находятся во власти старой тематики. Между тем, страна выдвигает ряд новых задач; в отношении, скажем, Востока — изучение не только «классического Востока», но и стран Восточной Азии и стран, сопредельных с СССР; в отношении Греции — не только Афин, но и богатых своей культурой греческих колоний юга СССР; в отношении Рима — не только Италии, но и римских провинций. Упущением надо считать свертызание работ по изучению истории Византии, оказавшей огромное влияние на культуру древней Руси. Академия наук СССР не считает нужным выпускать журнал по истории Византии вместо закрытого в 1930 г. «Византийского Временника» и, повидимому, работы в этой области не ведет. В отношении истории СССР особенно требуется перестройка, и в основу ее должен быть положен тот тезис товарищей Сталина, Жданова и Кирова, который гласит: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великобритании не отрывалась от истории других народов СССР, — это, во-первых, — и где бы история СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории — это, во-вторых». Конкретных исследований всего многообразия этих вопросов, на основе единственно научного метода Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, ждут колхозный и рабочий интеллигент, советский учащийся, преподаватель школы и широкие массы советских граждан.

Партия и правительство оказывают историкам всестороннюю помощь своими указаниями, организацией новых институтов, факультетов, отпуском больших средств на развитие исторического образования в стране. Поэтому страна вправе потребовать от историков не только закрепления и умножения их достижений, но и подлинного расцвета марксистской исторической науки в СССР.

Можно выразить уверенность, что историки нашей страны сумеют с честью выполнить поставленные перед ними задачи в связи с написанием «Всемирной истории» и «Истории народов СССР».

Для осуществления этого ответственного издания, предпринимаемого Академией наук СССР, необходима сплоченность историков вокруг этого дела, тщательная подготовка его и подлинное большевистское руководство этим большим и сложным делом наших историков-марксистов.

«Партия, ее Центральный Комитет, товарищ Сталин требуют от историков, чтобы, преодолев мешающие им традиции, чуждые влияния, крохоборство, они взялись за работу с той энергией, с тем размахом, с которым мы строим нашу социалистическую промышленность, колхозы, Красную Армию.

Великая социалистическая страна требует великой социалистической науки» («Правда», 27 января 1937 г.).

А. Мишулин

